

Отношеніе церковнаго устройства къ строю общественному и государственному въ первые два вѣка.

Параллели въ церковномъ и общественно-государственномъ строѣ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Первые три вѣка христіанской эры были временемъ, когда на развалинахъ республиканскаго строя въ римскомъ государствѣ мало по малу стала выростать монархія. Процессъ превращенія республики въ имперію начался еще до Р. Х., именно съ 13 января 27 года, когда Августъ формально получилъ отъ сената чрезвычайныя полномочія, а завершился во времена Діоклетіана, послѣ котораго отъ старой республики не осталось и слѣдовъ. Хотя весь этотъ длинный періодъ характеризуется обычно, какъ время діархїи, время двоевластія принцепса и сената, однако фактически ни въ началѣ, ни въ концѣ онъ не былъ таковымъ. Если при первыхъ принципсахъ народъ сохранялъ еще свою законодательную власть и право избранія магистратовъ, если еще при Тиберіи и даже при Клавдіи появлялись законы съ утвержденіемъ народа ²⁾, то ко времени Діоклетіана даже сенатъ не сохранилъ почти ни одного изъ своихъ правъ ³⁾. Республика постепенно уступала свое мѣсто имперіи. Сна-

¹⁾ См Бог Вѣсти Сентябрь 1908

²⁾ Таковы: lex Iunia Norbana, lex Visellia, lex Iunia Villeja при Августѣ; lex Claudia при Клавдіи; послѣдній законъ съ народнымъ утвержденіемъ былъ изданъ при Нервѣ (lex agraria) Ср Гриммъ, Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. 1, 1900, стр 202.

³⁾ Ibid стр 215

чала политическія права отъ народа были отняты въ пользу сената и принцепса, затѣмъ и сенатъ долженъ былъ уступить ихъ принцепсу. Точно датировать всѣ важнѣйшія стадіи этого процесса нѣтъ возможности. Это можно сдѣлать лишь приблизительно. При Августѣ народъ лишается судебной власти ¹⁾. При Тиберіи выборы магистратовъ были перенесены изъ народныхъ собраній въ сенатъ ²⁾. Правда и послѣ этого народъ не былъ устраненъ вполне отъ избранія магистратовъ. Еще въ III вѣкѣ церемонія ренунціаціи избранныхъ передъ народнымъ собраніемъ признавалась необходимой, и избранный въ сенатъ консулъ считался до нея лишь *consul designatus* ³⁾. Но это утверженіе народа имѣло скорѣе формальное значеніе. Фактически избирательныя права перешли къ сенату и принцепсу. Со времени Клавдія народъ теряетъ и законодательную власть. Законъ (*lex*) былъ замѣненъ сначала сенатусконсультомъ, а затѣмъ въ періодъ отъ Адріана до начала III вѣка конституціей принцепса ⁴⁾. Такъ мало по малу свободные римляне теряли свои политическія права и политическую свободу и къ началу IV вѣка превратились въ подданныхъ абсолютнаго монарха.

Та же самая центростремительная сила дѣйствовала и во всемъ тогдашнемъ римскомъ государствѣ. Вслѣдъ за Римомъ всѣ города постепенно теряли право самоуправленія и становились въ полное подчиненіе римскому императору. Однако этотъ процессъ совершался въ нихъ медленно, чѣмъ въ самомъ Римѣ. Если въ Римѣ избраніе магистратовъ уже при Тиберіи фактически перешло къ сенату, то въ другихъ городахъ оно въ полной силѣ сохранялось за народомъ до конца I и даже во II вѣкѣ. Законъ Малаки, напримѣръ, знаетъ лишь одно совершенно свободное избраніе должностныхъ лицъ народными собраніями. Но уже въ этомъ законѣ можно видѣть нѣкоторые симптомы начавшагося распаденія народныхъ комицій. Право предлагать

¹⁾ Suet. August. 33. Ср. Mommsen, *Römisches Staatsrecht*³, II, 959; Herzog, *Geschichte und System d. römischen Staatsverfassung*, II, 271 и д.; Гриммъ, *Изслѣдованія*, стр. 166—168.

²⁾ Tacit. *Annal* 1, 15

³⁾ Dio Cassio 58, 20, 4.

⁴⁾ Ср. Гриммъ, *Изслѣдованія*, стр. 215

кандидатовъ, въ случаѣ недостаточнаго ихъ количества, законъ предоставляетъ предсѣдательствующему дуумвиру и даже самимъ кандидатамъ. Это обстоятельство показываетъ, что уже и тогда замѣтно было охлажденіе къ занятію почетныхъ муниципальных должностей ¹⁾. Какъ скоро число кандидатовъ не превосходило количество занимаемыхъ вакансій, то избраніе становилось простою формальностью. Это стало обычнымъ явленіемъ во II вѣкѣ, когда несеніе общественной должности соединялось съ столь большой матерьяльной затратой и отвѣтственностью передъ правительствомъ, что граждане стали прямо избѣгать назначенія на должности и въ члены совѣта ²⁾. Должностныя лица, руководившія собраніемъ, едва могли указать кандидатовъ на освободившіяся мѣста. Названныя ими лица по необходимости выбирались. Вслѣдствіе этого народныя собранія теряли свое значеніе. Избраніе должностныхъ лицъ и управленіе городомъ переходятъ теперь къ совѣту ³⁾. Въ 129 году императоръ Адріанъ отправилъ городскимъ властямъ Ефеса письмо, въ которомъ выражаетъ свое желаніе доставить мѣсто въ совѣтъ своему фавориту Ерасту ⁴⁾. Изъ этого факта видно, что выборъ членовъ совѣта тогда не принадлежалъ уже народу. Но когда это преобразование распространилось по всѣмъ городамъ римскаго государства, за недостаткомъ историческихъ указаній сказать невозможно ⁵⁾. Подобно прочимъ должностнымъ лицамъ и муниципальные жрецы стали избираться не народомъ, но совѣтомъ. Но это случилось нѣсколько позднѣе. Значительныя привилегіи, предоставленныя жрецамъ, и сравнительно небольшая зависимость ихъ отъ общаго государственнаго управленія были причиною того, что участіе народа въ избраніи жрецовъ сохранилось дольше, чѣмъ въ избраніи магистра-

¹⁾ Cp. Mommsen, *Stadtrechte von Salpensa und Malaca*, S 424. Marquardt, *Röm. Staatsverwaltung*, I, 147.

²⁾ Plini epist. X, 113: qui invitati fiunt decuriones Cp Dig 50, 2, 2, 8, Dig 50, 1, 38, 6

³⁾ Liebenam, *Städteverwaltung*, S. 479—480; Marquardt, *Röm. Staatsverwaltung*, I, 147—148

⁴⁾ Brit Mus III, 487 Cp. Liebenam. *Städteverwaltung*, S 238

⁵⁾ Marquardt, *Staatsverwaltung*, I, S 211, Liebenam, *Städteverwaltung*, S 239

товъ 1). Это можно заключить изъ того, что при существовании значительнаго количества надписей, упоминающихъ о понтификахъ, ни одна не говоритъ объ избраніи послѣднихъ муниципальнымъ совѣтомъ. Точно также и объ избраніи авгуровъ декуріонами въ надписяхъ нѣтъ яснаго указанія 2). Но къ началу III вѣка всѣ избирательныя права почти вездѣ *de jure* переходятъ къ декуріонамъ 3), а фактически весьма часто къ правителямъ провинцій 4).

Но муниципальныя права, перейдя отъ народа къ декуріонамъ, не удерживались у послѣднихъ, а мало-по-малу отошли къ правительству. Уже учрежденіе штатгальтера для провинцій ощутительно ограничивало городское самоуправленіе. Какъ представитель римскаго государства онъ имѣлъ вообще широкую дискреціонную власть надъ подвѣдомственными ему городами, могъ вмѣшиваться въ муниципальныя дѣла, въ спорныхъ вопросахъ являлся толкователемъ закона и съ теченіемъ времени подчинилъ своему контролю городское управленіе даже въ мелочахъ 5). Недаромъ Діонъ Кассій, сенаторъ III вѣка, усвоялъ ему *διοικεῖν τὰ κοινὰ τῶν πόλεων* 6). Но кромѣ штатгальтера скоро появились въ городахъ правительственные чиновники. Такъ въ концѣ I вѣка для контроля за городскими финансами сталъ назначаться *curator reipublicae*, сначала тамъ, гдѣ была нужда въ государственномъ вмѣшательствѣ, а потомъ какъ обычная должность. Первоначально кураторъ былъ снабженъ твердо ограниченной компетенціей, но потомъ онъ получилъ общій надзоръ надъ экономическимъ управленіемъ города 7). Со времени Траяна учрежденъ былъ *curator calendarii*, завѣдывавшій городской долговой книгой. Тѣмъ же Траяномъ для упорядоченія свободныхъ городовъ были введены особые императорскіе комиссары (*διορθωταί, ἐπαγορθωταί*) для одной или нѣсколькихъ городскихъ общинъ

1) Крашенниковъ, Римскіе муниципальныя жрецы и жрицы, стр. 95.

2) Ibid

3) Cp Cod Theod 12, 5, 1.

4) Dig 49, 4, 3

5) Liebenam, Städteverwaltung. S. 473—475

6) Dio Cass 52, 29; cp Liebenam, Städteverwaltung, S 474

7) Liebenam, Städteverwaltung. S 481; Marquardt, Staatsverwaltung I. S. 163

то на короткое, то на продолжительное время. Съ начала III вѣка такіе корректоры учреждены и въ Италіи ¹⁾. Точно также была ограничена и юрисдикція городовъ. Важнѣйшія дѣла подлежали юрисдикціи штатгальтера, который производилъ судъ въ главномъ городѣ извѣстнаго судебного округа; компетенція городскихъ властей была ограничена незначительными дѣлами ²⁾. Къ концу III вѣка все управление городами оказалось въ рукахъ всесильной бюрократіи. Отъ городского самоуправленія не осталось никакихъ слѣдовъ.

Еще ранѣе, чѣмъ городскія общества, испытали на себѣ тяжелую руку правительства частныя общества, всегда представляющія собою въ извѣстной степени опасный элементъ для правительства съ абсолютическими тенденціями. Уже Цезарь, по свидѣтельству Светонія уничтожилъ всѣ коллегіи кромѣ древнихъ ³⁾. Ту же политику въ отношеніи къ нимъ проводилъ и Августъ. Онъ распустилъ всѣ коллегіи кромѣ древнихъ и дозволенныхъ, особенно преслѣдуя тѣ ассоціаціи, которыя подъ титуломъ коллегіи скрывали политическія цѣли ⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытался ограничить свободу и религіозныхъ обществъ. Относясь съ особеннымъ уваженіемъ къ національному культу, онъ запретилъ совершеніе египетскихъ церемоній въ честь Изиды, разрушилъ храмъ внутри города въ честь Сераписа ⁵⁾ и вообще питалъ отвращеніе къ восточнымъ религіямъ ⁶⁾. Подобнымъ образомъ и Клавдій преслѣдовалъ гетеріи ⁷⁾ и даже іудейскія собранія ⁸⁾. Особенно подозрительностью къ коллегіямъ отличался Траянъ. Позволяя Плинію разрѣшить амизинцамъ общество взаимопомощи, Траянъ однако добавляетъ: „въ прочихъ государствахъ, которыя подчинены на-

1) Liebenam, Städteverwaltung, S 462—483. Marquardt, Staatsverwaltung, I, S. 162.

2) Liebenam, Städteverwaltung, S. 485—486.

3) Suet. Caes. 42: cuncta collegia praeter antiquitus constituta distraxit.

4) Suet. Aug. 32; plurimae factionis titulo collegii non ad nullius non facinoris societatem coibant, igitur... collegia praeter antiqua et legitima dissolvit.

5) Dio Cassio, 53, 2; 54, 6.

6) Suet Aug. 31, 63.

7) Dio Cass. 60, 6.

8) Dio Cass. 60, 6; Дѣян. 18, 2.

шему праву, вещи подобнаго рода должны быть запрещаемы“¹⁾. Въ другомъ случаѣ онъ отказываетъ Плинію въ ходатайствѣ объ учрежденіи *collegia fabrorum* (общество пожарныхъ) въ Никомидіи, мотивируя отказъ тѣмъ, что это общество можетъ превратиться въ гетерію²⁾. Вообще римское правительство старалось подчинить коллегіи строгому надзору. Открытіе незаконныхъ коллегій наказывалось такъ же, какъ нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ на общественныя мѣста и храмы³⁾. Съ Адриана начался поворотъ повидимому въ пользу коллегій. Императоры часто обнаруживаютъ къ нимъ благосклонное отношеніе, даютъ имъ различныя привилегіи, сами открываютъ нѣкоторыя ассоціаціи. Но это покровительство императоровъ едва ли могло ввести кого-либо въ заблужденіе. Оно имѣло цѣлью не вернуть свободу коллегіямъ, а сдѣлать изъ нихъ *послушное орудіе* для уменьшенія социально-экономическаго зла. Правительство особенно покровительствовало тѣмъ коллегіямъ, которыя содѣйствовали удешевленію хлѣба, вообще провизіи, построекъ и т. д. Таковы коллегіи навикуляріевъ, лодочниковъ, пріемщиковъ, хлѣбниковъ, плотниковъ, виноторговцевъ, свинооторговцевъ и т. п. Такъ какъ во всѣхъ этихъ корпораціяхъ было заинтересовано само государство, то чтобы предупредить ихъ распаденіе, оно постаралось закрѣпить къ корпораціямъ лицъ, принадлежавшихъ къ нимъ. Оно нерѣдко прямо запрещало выходъ изъ нихъ членовъ⁴⁾. Императорскій указъ 386 года, на примѣръ, запрещаетъ хлѣбникамъ обращаться съ просьбой о позволеніи оставить корпорацію и угрожаетъ просителю строгимъ наказаніемъ, именно конфискаціей имущества⁵⁾. Такимъ образомъ свободныя ассоціаціи превратились въ закрѣпощенныя цехи, подобно городскимъ обществамъ подчиненныя контролю правительства.

Превращеніе республики въ имперію произошло тихо,

1) Plinii Epistolae (Lips 1761) X, Ep Traj ad Plin. 94 (общій счетъ).

2) Ibid. Epist. Traj. ad. Plin. 43 (общій счетъ)

3) Dig 47, 22, 2.

4) См. подробно Кулаковскій, Коллегіи въ древнемъ Римѣ, 1882, стр. 74.

5) Cod Theod. 14, 3, 18. См другіе примѣры у Кулаковского, Коллегіи въ древнемъ Римѣ, 1882, стр 74—80.

спокойно, совершенно естественно. Монархическій строй былъ результатомъ не насильственной узурпаціи народныхъ правъ, а естественнаго хода вещей. Соціальныя и политическія революціи конца республики утомили населеніе. Неудовлетворительная городская организація, упадокъ земледѣлія, разложеніе мелкаго землевладѣнія и крестьянства убивали въ народѣ всякій интересъ къ политикѣ и направляли его вниманіе на ближайшіе узко-матерьяльные интересы. И общество и народъ одинаково искали спасенія въ твердой власти, которая сумѣла бы наконецъ оградить личную и имущественную безопасность. Сенаторъ III вѣка Діонъ Кассій влагаетъ въ уста Августа слѣдующія слова, обращенныя къ сенату: „пусть никто не подозрѣваетъ, что я хочу васъ предать и отдать въ руки дурныхъ людей или какой либо охлократіи (*ὀχλοκρατία τινί*)¹⁾, отъ которой не только не происходитъ ничего хорошаго для людей, но наоборотъ всегда самое ужасное. Вамъ лучшимъ и благоразумнѣйшимъ людямъ, вамъ я передаю государство. Того я никогда не сдѣлалъ бы (то есть, не отдалъ бы во власть охлократіи), хотя бы мнѣ миріды разъ пришлось умереть или даже сдѣлаться монархомъ“ (*μοναρχῆσθαι με εἴδει*)²⁾. Въ этихъ словахъ ясно выражается глубокое недовѣріе высшаго общества къ народному правленію. Даже самые блестящіе умы того времени въ монархическомъ правленіи видѣли лучшій залогъ преуспѣянія государства. „Къ чему, говоритъ Тацитъ, долгія пренія въ сенатѣ, когда добрые умы такъ скоро могутъ достигнуть соглашенія? Какую цѣль имѣли бы продолжительныя рѣчи къ народу, разъ заботы объ управленіи не возлагаются болѣе на невѣжественную толпу, а ввѣрены разуму одного человѣка? На что и эти публичныя обвиненія сановниковъ передъ народомъ, на которыя люди были такъ падки прежде? Къ чему они теперь, когда злоупотребленія властей сдѣлались рѣдкими и незначительными? Имѣютъ ли также будущее продолжительныя рѣчи въ защиту подсудимыхъ, когда милосердіе князя спѣшитъ на-

1) Ср. Лаодик. прав 13: о томъ, чтобы толпамъ (*τοῖς ὄχλοις*) не дозволялось производить выбора лицъ, имѣющихъ быть поставленными во священство*.

2) Cio Cass. 53, 8.

встрѣчу несчастію и слабости?“¹⁾ Подобныя благопріятныя сужденія о монархическомъ правленіи встрѣчаются въ тѣ времена довольно часто. Еще съ большими надеждами взиралъ на возникавшую императорскую власть народъ. Онъ видѣлъ въ императорѣ спасителя государства²⁾ и легко примирялся съ нарождавшимся монархическимъ строемъ. „Провинціи, говоритъ Тацитъ, ничего не имѣли противъ новаго строя, ибо управление сената и народа лишилось довѣрія вслѣдствіе соперничества магнатовъ и жадности магистратовъ, противъ которой не защищали и законы, нарушавшіеся насиліемъ, интригами и наконецъ подкупомъ“³⁾. Поэтому населеніе довольно равнодушно относилось къ потерѣ своихъ политическихъ правъ. Когда Тиберій лишилъ римлянъ права избранія магистратовъ, „народъ, по словамъ Тацита, не жаловался на потерю своего права иначе какъ пустымъ ропотомъ, а сенатъ, освобожденный отъ подарковъ и недостойныхъ просьбъ, охотно принялъ его“⁴⁾. Особенно благопріятную почву новый строй нашелъ среди населенія восточныхъ провинцій, привыкшаго къ деспотизму эллинистическихъ монархій⁵⁾. Уже первые христіане обычно называли принцепса царемъ (*βασιλεύς*), представляя его въ видѣ восточнаго монарха.

Ни въ чемъ такъ не обнаружилось общее влеченіе къ монархическому строю, какъ въ необычайномъ распространеніи императорскаго культа. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ основѣ этой странной религіи, возникшей на развалинахъ прежнихъ официальныхъ и частныхъ культовъ лежало чувство глубокой признательности къ императорамъ, давшимъ государству миръ и довольство. Императорскій культъ много содѣйствовалъ укрѣпленію римской монар-

1) Dialog. 40—41.

2) Одна галикарнасская надпись называетъ Августа *σωτήρ τοῦ κοινοῦ τῶν ἀσφόρων γένους Britan.* Mus. IV, 894. Liebenam, Stadteverwaltung S. 454 Ср. Suet Aug. 98.

3) Annales, 1, 2.

4) Tacit. Annales, 1, 15.

5) „Въ Малой Азіи, говоритъ Моммзенъ, автономныхъ общинъ съ самаго начала было гораздо меньше, чѣмъ въ собственной Элладѣ. Малая Азія была страна подданства и подъ господствомъ персидскихъ правителей привыкла къ монархическому порядку“ (Röm. Geschichte, V, В (1894), S. 326—327.

хїи, но несомнѣнно, что самъ онъ былъ выраженіемъ инстинктивнаго влеченія къ монархическому правленію. Въ высшей степени замѣчательно, что его первоначальной родиной былъ не Западъ, а Востокъ, и что нигдѣ онъ такъ не привился, какъ въ провинціяхъ Малой Азіи ¹⁾. Это обстоятельство убѣдительно говоритъ за то, что онъ распространился не благодаря стараніямъ императоровъ, а въ силу внутренней потребности населенія окружить своихъ благодѣтелей сверхъестественнымъ ореоломъ.

Обратимся теперь къ исторіи церковной организаціи за два первые вѣка. Если мы сравнимъ состояніе христіанскихъ общинъ въ началѣ и концѣ этого періода, то увидимъ весьма замѣтную разницу. Мы увидимъ, что міряне въ исходѣ II вѣка уже не обнаруживали въ церковныхъ дѣлахъ прежней самодѣятельности, что значительная область ихъ церковныхъ правъ отошла къ клиру, преимущественно же къ епископу. Отмѣтимъ здѣсь главнѣйшіе моменты этой перемѣны.

Хотя носители церковныхъ должностей съ самаго начала имѣли специально имъ присвоенное служеніе, однако первенствующая церковь не знала рѣзкаго противопоставленія клира и мірянъ. Самое слово мірянинъ неизвѣстно древнѣйшимъ христіанскимъ источникамъ. Обязанности вѣрующихъ и предстоятелей нерѣдко описываются у нихъ сходными чертами (ср. Іак. 5, 14—15 и 16—20; 1 Тим. 5, 11 и 12; Евр. 3, 13). Проповѣданіе слова Божія и служеніе въ церкви принадлежало и тѣмъ и другимъ (1 Петр. 4, 10—11). Апостолы обыкновенно возлагали устройство церкви, внутреннее и внѣшнее упрядоченіе общинъ не только на предстоятелей, но и на всѣхъ христіанъ. Внушая послѣднимъ уваженіе къ своимъ предстоятелямъ, они въ то же время призывали и ихъ самихъ къ активной дѣятельности на благо церкви, требовали отъ нихъ самаго близкаго участія въ жизни церкви. Но уже съ конца апостольскаго времени призывы вѣрующихъ къ церковной самодѣятельности становятся рѣже, напротивъ напоминаніе о долгѣ повиновенія предстоятелямъ дѣлаются все чаще и настойчивѣе. Климентъ

¹⁾ Ср Проф. Гидуляновъ, Митрополиты въ первые три вѣка христіанства, стр. 41—47.

Римскій повиновение предстоятелямъ считаетъ одною изъ важнѣйшихъ добродѣтелей христіанъ (гл. 1. 3).

Люди, не повинующіеся своимъ предстоятелямъ, по нему люди безчестные, безславные, глупые (гл. 3), а ихъ вожди—дерзкіе, бессмысленные, глупые лицемѣры (гл. 1, 14—15. 16. 21). Игнатій Антиохійскій идею повиновенія церковной власти, собственно епископу, дѣлаетъ такъ сказать своимъ паролемъ. Кто не повинуется епископу, тотъ не принадлежитъ къ церкви и не Божій. Вѣрующе ничего не должны предпринимать въ церкви безъ вѣдома (*ἀνευ γνώμης*) и слѣдовательно безъ воли епископа. Подобно этому мужу апостольскому Клементину также требуютъ повиновенія епископу, какъ Христу ¹⁾. Епископъ это—кормчій, точнѣе помощникъ Кормчаго Христа ²⁾, христіане же—простые путники. Управление кораблемъ принадлежитъ не имъ. Наконецъ Церковные Каноны внушаютъ мірянамъ оставаться среди мірскихъ занятій и оказывать послушаніе своимъ предстоятелямъ (гл. 7). Церковная дѣятельность уже не ихъ сфера. Всѣ эти призывы къ повиновенію церковной власти несомнѣнно констатируютъ стремленіе сосредоточить всѣ вѣтви церковнаго управленія въ предстоятеляхъ, ограничить самостоятельность вѣрующихъ, подчинить ее авторитету церковной власти.

Разумѣется это не значитъ, что активное участіе мірянъ въ дѣлахъ церковнаго управленія къ концу II вѣка совсѣмъ прекратилось. Оно отчасти предполагается, отчасти прямо констатируется источниками и этого времени. По Церковнымъ Канонамъ вѣрующіе подаютъ голоса (*ψηφισαῖαι*) при избраніи епископа (1). Такъ же какъ въ первенствующей церкви вѣрующіе принимали участіе и въ обсужденіи вопросовъ вѣры. По словамъ Евсевія (V, 16.) вѣрующіе часто и во многихъ мѣстахъ собирались по поводу ученія Монтана, изслѣдовали его, отвергали, какъ еретическое. Однако въ другихъ отношеніяхъ мы видимъ замѣтное ограниченіе правъ мірянъ. Какъ извѣстно, въ апостольскія времена въ христіанской церкви учительство признавалось не только правомъ, но часто и обязанностью каждаго христі-

¹⁾ Hom. III. 66.

²⁾ Epist. Clem. ad Iac.—14.

анина (Гал. 6, 1 и д; 1 Тим. 4, 11; Іак. 19—20; Евр. 3, 13; 1 Петр., 4, 10—11). Христіане учили не только въ частныхъ, но и въ богослужебныхъ собраніяхъ (1 Кор. 14, 26; Кол. 3, 16). Однако въ виду сильнаго распространенія лжеученій въ концѣ апостольскаго времени была признана необходимость возложить обязанность учительства преимущественно на предстоятелей церкви (1 Тим. 3, 2; 5, 17; Тим. 1, 7. 9—10). Въ концѣ же II вѣка публичное учительство становится почти исключительно правомъ предстоятелей. Епископъ есть единственный авторитетный учитель, охраняющій чистоту вѣры (*doctrina fidei*)¹⁾ и обладающій для этого особой харизмой *veritatis*²⁾. Въ началѣ III вѣка официальные учителя изъ мірянъ (при богослуженіи) становятся рѣдкостью. Опровергая мнѣніе Димитрія, епископа александрійскаго, отрицавшаго право мірянина проповѣдывать въ церкви, Александръ, епископъ іерусалимскій, и Θεоктистъ, епископъ кесарійскій, могли указать лишь три примѣра учительства мірянъ, да и то изъ исторіи не своихъ, а другихъ церквей³⁾. Другое ограниченіе правъ мірянъ произошло въ области церковной юрисдикціи. Если не только во времена ап. Павла, но и позднѣе (Полик. къ Фил. 11) вѣрующіе принимали участіе въ судѣ надъ мірянами и даже надъ предстоятелями, то къ концу II вѣка сталъ обычнымъ судъ изъ пресвитеровъ⁴⁾. Въ половинѣ III вѣка Сирійская Дидаскалія запрещаетъ мірянамъ быть судьей брата, считая это правомъ пресвитеровъ и епископовъ⁵⁾.

Вмѣстѣ съ умаленіемъ церковной самостоятельности вѣрующихъ въ христіанскихъ общинахъ начинаетъ падать и авторитетъ свободныхъ служеній, уступая мѣсто авторитету церковной власти. Такъ вмѣстѣ съ потерей права мірянъ на официальное учительство постепенно исчезъ институтъ самостоятельныхъ христіанскихъ учителей. Еще скорѣе потеряло свое вліяніе въ церкви и наконецъ исчезло пророческое служеніе. Въ первоначальной церкви пророки не только учили, но и совершали евхаристію и иногда упра-

1) Recogn. III, 66.

2) Иринеи, Противъ ересей IV, 26, 2.

3) Евсевій, VI, 19.

4) Церк. Канон 2, Nom III, 67: Epist. Clem. ad Iac. 10.

5) Achelis, Symb. Didascalia, c. IX, S. 52; ср. Ап. Постан. II, 36.

вляли общиною (Дѣян. 13, 1—2; 15, 22. 32; Дид. X, 7; XI, 7—12; XIII, 3). Ихъ авторитетъ былъ такъ великъ, что авторъ Дидахе внушаетъ вѣрующимъ почитать епископовъ такъ, какъ почитаютъ они пророковъ и учителей (XV, 2). Но уже Климентъ Римскій отрицаетъ право мірянъ на совершеніе богослуженія (гл. 40—41. 44). Игнатій Антиохійскій считаетъ истинною лишь ту евхаристію, которая совершается епископомъ или тѣмъ, кому онъ позволитъ (Смирн. 8). Во времена Ерма (около 140 года) уже одно намѣреніе имѣть предсѣдательство въ собраніи христіанъ считалось признакомъ ложнаго пророка (Ерм. Зап. XI). Пророки становятся теперь подъ наблюденіе предстоятелей. Прежде тѣмъ обнаружить свои видѣнія Ермъ долженъ былъ прочесть свою книгу съ пресвитерами; онъ могъ послать ее въ другія церкви лишь чрезъ Климента (Вид. II, 4). Въ концѣ II вѣка пророки потеряли въ церкви почти всякій авторитетъ. Вслѣдствіе распространенія ложнаго пророчества, особенно монтанизма, установился взглядъ, что наиболѣе вѣрнымъ путемъ для познанія христіанскихъ истинъ служитъ не откровеніе, а явное ученіе отъ апостоловъ и ихъ преемниковъ ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетъ пророковъ, какъ и учителей, окончательно перешелъ къ епископамъ. Къ пророкамъ стали относиться съ положительнымъ предубѣжденіемъ, избѣгая даже имени пророка. Послѣднихъ представителей пророчества въ концѣ II вѣка мы находимъ уже въ числѣ лицъ клира. По Церковнымъ Канонамъ для полученія откровеній, когда въ таковыхъ есть нужда, представляются двѣ вдовицы (гл. 5).

Наконецъ и въ самомъ клирѣ наблюдается то же стремленіе сосредоточить церковныя права преимущественно въ лицѣ одного епископа. Уже древніе церковные писатели отмѣтили тотъ фактъ, что въ первоначальныхъ христіанскихъ источникахъ епископы и пресвитеры большею частію носятъ общія названія, и объясняли это тѣмъ, что между епископами и пресвитерами не было большого различія, что первые имѣли лишь преимущество рукоположенія ²⁾. Эта близость епископовъ и пресвитеровъ дала Иерониму осно-

¹⁾ Ср. Pseudoclement. Hom. XVII, 13 и д.

²⁾ Ср. Іоан. Златоуста 11 бесѣд. на 1 Тим.

ваніе утверждать, что въ первенствующей церкви они были тождественны ¹⁾. Выводъ Іеронима невѣренъ: епископы и въ I вѣкѣ отличались отъ пресвитеровъ. Но несомнѣнно, что по своему положенію въ общинѣ тѣ и другіе мало различались въ первоначальной церкви. Въ первыхъ посланіяхъ апостола Павла, какъ и въ другихъ древнѣйшихъ источникахъ (I Петр., Евр., Клим., Ерм.) они обычно составляютъ одинъ рядъ предстоятелей церкви съ равнымъ приблизительно авторитетомъ для вѣрующихъ (*προϊστάμετοι, πρεσβύτεροι ἐπισκοποῦντες, καθέσταμενοι, ἡγουμένοι* и под.). Какъ апостолы, такъ и послѣдующіе церковные писатели, говоря объ обязанностяхъ руководителей христіанской церкви по отношенію къ вѣрующимъ и объ обязанностяхъ вѣрующихъ къ своимъ руководителямъ обыкновенно имѣютъ въ виду всѣхъ предстоятелей какъ епископовъ, такъ и пресвитеровъ, нисколько не давая понять, что не всѣмъ предстоятелямъ, а только одному епископу принадлежитъ главное руководство церковью. Впервые епископъ выдѣляется изъ ряда пресвитеровъ въ пастырскихъ посланіяхъ (I Тим. 3, 1 и д.; 5, 17), да и то не вполне ясно (ср. Тит. 1, 5—7). вполне ясное различеніе этихъ двухъ степеней іерархіи мы встрѣчаемъ лишь у Игнатія Антиохійскаго. У него же впервые мы находимъ и указаніе на то, что пресвитеры занимали въ церкви второстепенное положеніе. Онъ внушаетъ пресвитерамъ уступать (*συγχωροῦντες*) епископу, оказывать ему всякое уваженіе (*ἐντροπή*) ²⁾ и успокаивать (*ἀναψύχειν*) его ³⁾. Но и у Игнатія нѣтъ рѣчи о повиновеніи пресвитеровъ епископу. Точно также по Церковнымъ Канонамъ пресвитеры должны оказывать готовность по отношенію къ епископу (*προθυμοῦμενοι τὸν ποιμένα*). Но съ другой стороны они въ нѣкоторомъ смыслѣ ограничиваютъ единоначаліе епископа, поскольку имъ усвоится право участія въ раздѣленіи церковныхъ приношеній не только вѣрующимъ, но и самому епископу (гл. 2). По Клементинамъ епископа должно слушать, а пресвитеровъ почитать ⁴⁾. Епископъ—кормчій или помощникъ Кормчаго Христа, пресвитеры—

1) Толковъ къ Тит 1, 5

2) Магн. 3

3) Трал 12

4) Ном III, 67. 71.

простые матросы ¹⁾. Они должны заботиться, чтобы было исполнено приказанное (епископомъ?) и о своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ обязаны доносить епископу ²⁾. Однако и здѣсь епископъ не является единоличнымъ управителемъ общины. Онъ называется архонтомъ (*ἀρχων*) ³⁾, т. е. магистратомъ ⁴⁾, который правилъ сообща и съ согласіемъ совѣта. Съ теченіемъ времени епископъ дѣлается болѣе автократиченъ. Онъ начальствуетъ (*ἀρχεῖν*) не только надъ вѣрующими, но и надъ пресвитерами ⁵⁾. Онъ уподобляется уже не архонту или магистрату и принцепсу, а монарху, царю ⁶⁾. Пресвитеръ называется теперь *ὁ ἐπὶ ἐπίσκοπον προεβύτερος* ⁷⁾. Достойно примѣчанія, что выдѣленіе епископа изъ ряда предстоятелей въ источникахъ, относящихся къ малоазійскимъ и сирійскимъ церквамъ, наблюдается ранѣе, чѣмъ въ источникахъ римскаго происхожденія. Въ то время какъ уже въ пастырскихъ посланіяхъ, третьемъ посланіи Іоанна и по всей вѣроятности въ Апокалипсисѣ, не говоря уже о посланіяхъ Игнатія Антиохійскаго, епископъ стоитъ особо отъ пресвитеровъ, какъ лицо, которому ввѣрено главное попеченіе объ общинѣ, у Климента Римскаго и почти полустолѣтіе спустя у Ерма, епископы хотя и извѣстны были этимъ авторамъ, однако обычно объединяются съ пресвитерами подъ общими наименованіями и въ отношеніи пастырскаго руководства занимаютъ приблизительно одинаковое положеніе въ церкви. Лишь въ концѣ II вѣка мы перестаемъ наблюдать эту разницу между восточными и западными источниками.

Всѣ отмѣченные факты несомнѣнно констатируютъ настойчивое стремленіе весь церковный авторитетъ, первоначально раздѣленный такъ сказать между всѣми предстоятелями церкви, представителями свободныхъ служеній и отчасти всѣми вѣрующими, сосредоточить въ лицѣ одного

¹⁾ Ер. Clem. ad Iac. 14.

²⁾ Ном III, 67.

³⁾ Ном. III 67.

⁴⁾ Въ древнемъ переводѣ это выраженіе соответствуетъ *princeps*. Ср. Ном III, 64, 72.

⁵⁾ Апост. Пост. II, 11.

⁶⁾ Achelis, *Syr. Didascalia*, с. IX, S. 49—50. Апост. Пост. II, 34

⁷⁾ Апост. Пост. III, 16

епископа. Мы видимъ такимъ образомъ въ жизни церкви тотъ же процессъ централизаціи, что и въ тогдашней общественно-государственной жизни. Тамъ и здѣсь наблюдается одинаковое стремленіе ограничить индивидуализмъ и свободу личности, потребность оградить миръ и цѣлость общества путемъ установленія твердой единоличной власти, замѣнить въ нѣкоторомъ смыслѣ демократическій строй монархическимъ. Если мы припомнимъ теперь всѣ другія аналогіи въ церковномъ и общественно-государственномъ строѣ, отмѣченныя нами ранѣе, то должны согласиться съ тѣмъ, что жизнь церкви и жизнь государства съ формальной своей стороны развивалась нѣсколько похожимъ путемъ, что формы той и другой въ извѣстныхъ отношеніяхъ совпадали,—совпадали не только въ общихъ контурахъ, но иногда въ частностяхъ и исключеніяхъ.

Что это значитъ? Отчего зависятъ эти параллели въ жизни столь разнородныхъ организмовъ, каковы церковь и государство?

Конечно нельзя объяснять указанныя совпаденія случайной игрой исторіи. Случайность могла имѣть мѣсто только въ чисто внѣшнихъ аналогіяхъ и то между субъектами, стоящими внѣ внутренней связи. Отмѣченныя же нами параллели касаются существенныхъ чертъ церковнаго и государственнаго строя, наблюдаются съ одинаковыми уклоненіями въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ сущности въ однихъ и тѣхъ же субъектахъ, поскольку члены церкви были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами государства. Ясно, что отмѣченныя нами аналогіи нельзя считать случайными. Но съ другой стороны невозможно ставить формы церковнаго и государственнаго строя въ прямую и непосредственную зависимость, невозможно думать, что церковь въ своемъ устройствѣ слѣдовала тѣмъ образцамъ, какіе предлагало ей государство. При всемъ сходствѣ процессовъ, которые отмѣчены нами въ жизни церкви и государства, они несомнѣнно имѣли совершенно различныя ближайшія причины. Если упраздненіе выборныхъ демократическихъ должностей въ муниципіяхъ было естественнымъ результатомъ дурнаго экономическаго состоянія городовъ и тяжелой матеріальной отвѣтственности, какая возлагалась на представителей городского управленія, если недовольство

республиканскими учреждениями и общее стремленіе къ монархіи было вызвано главнымъ образомъ соціальными и политическими революціями конца республики, то ни одна изъ этихъ и подобныхъ причинъ не имѣла прямого вліянія на церковное устройство. Здѣсь были свои особые факторы. Почти всѣ источники первыхъ двухъ вѣковъ (особенно папскія посланія, посланія Игнатія, Ириней, Клементины) несомнѣнно доказываютъ, что сознаніе необходимости подчиненія церковному авторитету, объединенія вокругъ епископа, порождалось въ христіанахъ главнымъ образомъ чрезвычайнымъ распространеніемъ лжеученій. Христіане очень скоро на опытѣ убѣдились, что индивидуализмъ и свобода приводятъ къ распаденію христіанской общины и ея догмы и потому почувствовали потребность замкнуться въ опредѣленныя рамки и подчиниться авторитету церковной власти. Общее, что одинаково присуще и церковной и государственной жизни того времени, это стремленіе ограничить индивидуализмъ и свободу личности, подчинить общественную жизнь авторитету одного лица. И христіане и граждане одинаково потеряли вѣру въ цѣлесообразность самоуправленія, въ достоинство охлократіи и искали спасенія въ твердой власти, ограждающей цѣлость общества и неприкосновенность его членовъ. Эта общая черта времени, эта характерная особенность тогдашней народной психологіи одинаково составляетъ почву какъ церковной, такъ и государственной централизаціи. Да это вполне естественно. Психологія одного и того же лица или народа остается приблизительно одна и та же въ религіозной и общественной жизни. Религія можетъ нравственно перевоспитать человѣка, но она не въ силахъ измѣнить его темпераментъ, его формальный характеръ, врожденную активность или пассивность природы и т. д. Вслѣдствіе этого образованіе внѣшнихъ формъ церковной жизни естественно должно подлежать отчасти извѣстнымъ законамъ естественнаго развитія человѣка и стоять въ нѣкоторой связи съ формами государственными. Можно ли говорить въ такомъ случаѣ объ уклоненіи церкви отъ своихъ основныхъ принциповъ, отъ своей первоначальной чистой природы, какъ утверждали прежніе протестанты? Ясно, что нельзя, такъ какъ психологія лица и цѣлаго общества, какъ темпераментъ и врож-

денный характеръ, въ прямой связи съ нравственнымъ содержаниемъ христіанства не стоятъ, и такъ какъ вообще наклонность къ активной дѣятельности или къ пассивному воспріятію нисколько не зависитъ отъ нравственныхъ свойствъ человѣка. Поэтому ни въ какомъ случаѣ нельзя считать обязательными для церкви тѣ формы устройства, которыя имѣютъ отношеніе къ психологіи людей. Можно говорить лишь объ ихъ цѣлесообразности для даннаго времени и при данныхъ обстоятельствахъ, но не о принципиальной совмѣстимости или несовмѣстимости ихъ съ существомъ христіанства.

При извѣстной независимости внѣшнихъ формъ церковной жизни отъ нравственнаго содержанія христіанства вполне было возможно нѣкоторое приспособленіе ихъ не только къ духу и потребностямъ времени, но и къ опредѣленнымъ формамъ государственнаго устройства. Уже въ самыхъ возрѣніяхъ древнихъ христіанъ были даны основанія къ тому, чтобы, несмотря на внутреннюю и историческую обособленность церкви и государства, уже въ первые три вѣка на жизни церкви сказалось нѣкоторое вліяніе государственныхъ порядковъ.

Первые христіане смотрѣли на себя, какъ на прямыхъ потомковъ израиля, какъ на истинный израиль, которому даны обѣтованія вѣчнаго царства (Дѣян. 1, 6). Они одинаково противопоставляли себя какъ язычникамъ, такъ и іудеямъ (Гал. 3, 28; 6, 15, 1 Кор. 12, 13; Еф. 2, 11—16), какъ особый родъ, родъ избранный, народъ святой (1 Петр. 2, 9). Это былъ новый народъ ¹⁾, третій родъ, третій народъ ²⁾; это было новое царство, царство Мессіи, Которому обѣщанъ

¹⁾ Варн. 5: (Христосъ) приготовляя для себя новый народъ (*τὸν λαὸν τὸν καινόν*); 7: Я приношу плоть мою за грѣхи новаго народа (*τοῦ λαοῦ τοῦ καινοῦ*). Новымъ народомъ называетъ христіанъ Климентъ Александрійскій (Paedag. I, 5; I, 17) и другіе писатели. См. Harnack, Mission, 1906, I, S. 210 и д.

²⁾ Въ дошедшемъ до насъ въ отрывкѣ памятникѣ II вѣка Praedicatio Petri (У Климента Алекс. Stromata, VI, 5) христіане называются третьимъ родомъ (*τρίτος γένος*). Въ псевдокипріановомъ сочиненіи De pascha computus (с. 17), написанномъ около 242—243 г., христіане также именуются *tertius genus*. Подобныя выраженія у другихъ писателей собраны Гарнакомъ, Mission, I, S. 212 и д.

престоль Давида (Дѣян. 2, 30, 36), и Который снова придетъ, чтобы царствовать вѣчно.

Какъ новый народъ, какъ особое царство, христіане образовали собою въ нѣкоторомъ смыслѣ антитезу царству земному. Христіанская церковь и тогдашнее римское государство являлись понятіями соотносительными. Они стояли другъ передъ другомъ, какъ двѣ параллельныя силы, какъ два міровыхъ организма. Само собой возникла великая проблема отношеній между этими двумя силами, между царствомъ Мессіи и царствомъ Рима. Эта проблема въ самыя древнія времена христіанской церкви разрѣшалась различно въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ. Сначала, когда языческія власти индифферентно и даже благосклонно относились къ христіанамъ, государство и власти представлялись богоустановленными учрежденіями, чѣмъ они были по своей идеѣ (Рим. 13, 1—7). Цѣль государства—утвердить правду и уничтожить неправду; власти поставляются въ наказаніе злодѣямъ и для награжденія добрыхъ (1 Петр. 2, 13 и д.). Такимъ образомъ церковь и государство составляютъ двѣ взаимно помогающія другъ другу силы. „Въ достиженіи мира, писалъ Іустинъ въ своей апологіи, мы являемся болѣе всѣхъ прочихъ людей вашими содѣйственниками и помощниками“ ¹⁾. Еще рѣшительнѣе высказался въ томъ же направленіи другой христіанскій апологетъ, Мелитонъ. „Наша философія, писалъ онъ Марку Аврелію, первоначально процвѣла среди варваровъ, потомъ въ могущественное владычество твоего предка Августа встрѣтилась съ подвластными тебѣ народами и явилась добрымъ предзнаменованіемъ для твоего царства. Ибо съ тѣхъ поръ римская держава возвеличилась и прославилась, и ты сдѣлался вождельннымъ преемникомъ престола и будешь владѣть имъ вмѣстѣ съ сыномъ, если будешь охранять ту философію, которая возростала вмѣстѣ съ имперіей и началась съ Августомъ, и которую предки твои чтили наравнѣ съ благополучнымъ началомъ имперіи, именно къ ея добру, важнѣйшимъ доказательствомъ служить то, что съ владычества Августа не случилось ничего худого, напротивъ согласно общему желанію все было счастливо и славно“ ²⁾. Но

¹⁾ 1 Апол. 12.

²⁾ Евсевій, IV, 26.

когда государство стало преслѣдовать христіанскую вѣру и кощунственно требовало обоготворенія императора, тогда церковь и государство стали представляться многимъ христіанамъ, какъ враждебныя другъ другу силы, церковь, какъ царство Христа, государство, какъ царство сатаны, какъ царство дракона и древняго змія (Апок. 13, 1—15; 17, 1—6; 19, 11—20). „Когда родился Господь, пишетъ Ипполитъ въ толкованіи на пророчество Даниила (7, 15—16), въ 42 году при императорѣ Августѣ, со времени котораго стало проивѣтать царство римлянъ, когда Господь чрезъ апостоловъ призвалъ всѣ народы и языки и создалъ народъ вѣрныхъ христіанъ, носящихъ въ сердцѣ имя Господне и „новое имя“— тогда царство этого міра, сильное „по дѣйствию сатаны“, точно воспроизвело тоже самое и, собравъ съ своей стороны блгороднѣйшихъ изъ всѣхъ народовъ, приготовило ихъ къ битвѣ, назвавши римлянами. Потому и первая перепись состоялась при Августѣ, когда родился Господь, чтобы люди этого міра, приписанные къ земному царю, назывались римлянами, а вѣрующіе въ царя небеснаго — христіанами, носящими на челѣ знамя побѣды надъ смертію“¹⁾.

Но какъ ни различно представлялось отношеніе христіанской церкви къ римскому государству, въ томъ и другомъ случаѣ они мыслились, какъ соотносительныя, параллельныя силы. Христіанство было не только вѣрой, религіей, но и царствомъ въ царствѣ. Правда по своей цѣли и по своимъ нравственнымъ принципамъ оно было царствомъ не отъ міра сего. Но какъ бы духовно ни представлялось оно, для человѣческаго сознанія неизбежно было мыслить его отчасти въ формахъ аналогичныхъ съ земными государствами. Противопоставляя церковь государству въ нравственномъ отношеніи, древніе христіане сближали ихъ съ формально-правовой стороны. Вотъ какъ разсуждаетъ на примѣръ Оригенъ объ отношеніи христіанскихъ общинъ къ городскимъ обществамъ. „Богъ, пославшій Иисуса, осуетивъ всѣ козни демоновъ, сдѣлалъ то, что евангеліе Иисуса повсюду на землѣ одержало верхъ къ улучшенію и исправленію людей, и повсюду явились общины (*ἐκκλησίαι*), имѣющія иной образъ жизни (*ἀντιπολιτευόμενα*), чѣмъ общины (*ἐκκλη-*

¹⁾ Hippolytus in Dan lib IV c 9.

οἶαι) суевѣрныхъ, невоздержныхъ и неправедныхъ людей. Ибо таковы массы, составляющія повсюду общины (*ἐκκλησίαι*) городовъ. Наученныя же Христомъ общины Божіи, по сравненію съ общинами народа, среди которыхъ онѣ живутъ какъ пришельцы, суть свѣтильники въ мірѣ. На самомъ дѣлѣ, кто не согласится съ тѣмъ, что низшіе и по сравненію съ лучшими худшіе члены общинъ гораздо лучше членовъ народныхъ общинъ? Вотъ, скажемъ, Божія община въ Аѳинахъ миролюбива и благоустроена, такъ какъ желаетъ угодить Богу Вседержителю; община же аѳинянъ мятежна и ни въ чемъ не можетъ быть сравниваема съ находящейся тамъ Божіей общиной. Тоже слѣдуетъ сказать объ общинѣ Божіей въ Коринѣѣ и народной общинѣ коринѳянъ, также объ общинѣ Божіей въ Александріи и народной общинѣ александрійцевъ... Если сравнить совѣтъ (*βουλή*) общины Божіей съ совѣтомъ въ каждомъ городѣ, то нѣкоторые совѣтники (*βουλευταί*) достойны управлять городомъ Божіимъ, если бы таковой гдѣ либо существовалъ. Повсюду же находящіеся (городскіе) совѣтники (*βουλευταί*) въ своихъ нравахъ не имѣютъ ничего достойнаго того должностнаго преимуществу, которымъ они превосходятъ гражданъ. Также слѣдуетъ сравнить архонта (*ἀρχοντα*) общины каждаго города (т. е. епископа) съ архонтомъ городскихъ общинъ, чтобы видѣть, что несовершенные, сравнительно съ болѣе сильными легкомысленно живущіе совѣтники и архонты Божіей церкви превосходятъ преуспѣяніемъ въ добродѣтеляхъ городскихъ совѣтниковъ и архонтовъ“ ¹⁾. Здѣсь Оригенъ называетъ одинаковыми именами христіанскія и городскія общины и ихъ должностныхъ лицъ. Епископы у него архонты, пресвитеры — совѣтники.

Подобное сближеніе формъ церковной и государственной жизни ²⁾ должно было конечно оказывать свое вліяніе на характеръ церковной организаціи. Соотвѣтственно нуждамъ, постепенно развивая изъ первоначальныхъ, примитивныхъ

¹⁾ С Cels. III, 29. 30.

²⁾ Взглядъ древнихъ христіанъ на себя, какъ на новый народъ, какъ на новое царство, впервые раскрытъ со всею обстоятельностью Гарнакомъ (*Mission und Ausbreitung d. Christentums*, I, 206—227). Но онъ выясняетъ „политическое сознание“ Церкви внѣ его вліянія на церковное устройство.

формъ устройства болѣе сложныя и законченныя, христіане естественно могли прибѣгать при этомъ къ помощи цивильныхъ и государственныхъ понятій и такимъ образомъ приспособляться къ гражданскому устройству. Что такъ было на самомъ дѣлѣ, видно изъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ христіанскихъ источниковъ. Уже Климентъ Римскій доказывалъ коринтянамъ необходимость повиновенія церковнымъ предстоятелямъ тѣмъ, что и въ войскѣ не всѣ епархи, не всѣ тысяченачальники, стоначальники и пятидесятиначальники, но каждый въ своемъ чинѣ исполняетъ приказаніе царя и полководцевъ (гл. 37). Особенно настойчиво и послѣдовательно проводится это сближеніе церковныхъ и государственныхъ понятій въ Клементинахъ. Оно проходитъ красной чертой чрезъ все міровоззрѣніе автора. Богъ есть для него прежде всего Архонтъ архонтовъ (*ἀρχων ἀρχόντων*), Господь господъ, Владыка царей ¹⁾. Онъ часто сравнивается съ кесаремъ ²⁾. Авторъ постоянно говоритъ о царствѣ Божіемъ, вѣчномъ, добромъ и т. д. очевидно въ отличіе отъ временнаго, злого и т. п. и называетъ небесное царство, куда стремятся всѣ христіане, мирнымъ городомъ великаго Царя (*μεγάλου βασιλέως εἰρηρική πόλις*) ³⁾. Каждая церковь есть какъ бы городъ или государство (*πόλις*), основанное на возвышенности ⁴⁾. Въ церкви есть тронъ Христа (*θρόνος Χριστοῦ*) или кафедра Христа (*καθέδρα Χριστοῦ*); на этомъ тронѣ возсѣдаетъ епископъ ⁵⁾. Если Богъ есть Архонтъ архонтовъ, то епископъ есть какъ бы архонтъ (*ἀρχων*) ⁶⁾ или магистратъ. Особенно замѣчательно, какъ авторъ доказываетъ необходимость единой власти, одной главы въ каждой церкви. „Множество вѣрныхъ, говоритъ ап. Петръ передъ ординаціей Закхей, должно повиноваться кому либо одному, чтобы такимъ образомъ оно могло жить въ согласіи. Ибо подчиненіе господству одной власти по примѣру монархіи (*μοναρχίας*) дѣлаетъ то, что подданные благодаря доброму порядку пользуются миромъ. Всѣ же тѣ, которые желаютъ управлять и

1) Ном. III, 72.

2) Ном. IX, 21; X, 14—15; XI, 9

3) Ер. Clem. ad. Iac. 13.

4) Ном. III, 67.

5) Ном. III, 70. 60.

6) Ном. III, 67.

не хотятъ повиноваться только одному (*ἐν ἑμῶν*), вслѣдствіе раздѣленія повсюду необходимо погибають. Но пусть убѣдитъ тебя еще то, что стоитъ перелъ глазами; (смотри), какъ теперь при множествѣ царей по всей землѣ происходятъ непрерывныя войны. Ибо каждый имѣетъ поводъ къ войнѣ во власти другого. Но если бы былъ одинъ правитель (*ἡγέμων*) всего міра, то за отсутствіемъ поводовъ къ войнѣ онъ сохранялъ бы вѣчный миръ. Наконецъ и Богъ для удостоенныхъ вѣчной жизни поставилъ Одного въ томъ вѣкѣ Царя всего міра, чтобы чрезъ монархію (*μοναρχίας*) сохранялся постоянный миръ. Итакъ всѣ должны слѣдовать одному вождю, почитая его какъ образъ Божій, а вождь долженъ знать путь, ведущій во святой городъ“¹⁾. И въ послѣдующихъ источникахъ, въ Сирійской Дидаскаліи и Апостольскихъ Постановленіяхъ мы нерѣдко находимъ сопоставленіе церковныхъ и государственныхъ формъ, особенно епископской власти съ властью царской. Если въ Клементинахъ и у Оригена епископъ называется архонтомъ и принцепсомъ, то въ Сирійской Дидаскаліи и Апостольскихъ Постановленіяхъ онъ сравнивается уже съ царемъ. „Итакъ они должны быть вашими главами и почитаться какъ цари, и вы должны приносить имъ дѣйствительныя почетныя дары, какъ царямъ, ибо отъ васъ и вашихъ товарищей должны питаться они... И что еще сказать? Этотъ царь, который увѣнчанъ короною, господствуетъ только надъ тѣломъ, связываетъ и разрѣшаетъ его только на землѣ, епископъ же господствуетъ надъ душой и тѣломъ, такъ что онъ связываетъ и разрѣшаетъ на землѣ съ небесною силою, ибо ему дана великая сила неба, то есть Всемогущаго“²⁾. „Почитайте ихъ начальниками (*ἀρχοντες*) вашими и царями (*βασιλεῖς*) и приносите имъ дани (*δασμοὺς*) какъ царямъ... Если должно присовокупить что къ слову, то сей (т. е. епископъ) пусть получаетъ больше, нежели сколько получалъ въ древности тотъ (т. е. царь по закону Моисееву), потому что послѣдній занимался только военными дѣлами, заботясь о войнѣ и мирѣ, чтобы охранять тѣла, а первый проходитъ священство Божіе, отклоняя отъ опас-

1) Hom. III, 61—62.

2) Achelis, Syg. Didascalia c. IX, S 4905—.

ности тѣло и душу. И такъ восколько душа превосходитъ тѣла, востолько священство превосходитъ царства, ибо онъ связываетъ и разрѣшаетъ достойныхъ наказанія или прощенія“¹⁾. Это привлеченіе политическихъ понятій и соображеній, частью для объясненія, частью для оправданія церковныхъ порядковъ, свидѣтельствуемъ о томъ, что христіане не только безсознательно, но и сознательно стремились перенести въ церковную жизнь нѣкоторыя черты (формальныя) тогдашняго государственнаго устройства. Мы видимъ въ частности, какое значеніе имѣла для развитія церковныхъ идей и отношеній политическая централизація римскаго государства. Она была въ нѣкоторомъ родѣ образцомъ для церковнаго строя. *Μονάρχια* какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви считалась источникомъ мира и благополучія, напротивъ власть всѣхъ, т. е. самоуправленіе и нежеланіе подчиняться *ἐνὶ μόνῳ*—причиной раздѣленій и гибели.

Все сказанное нами даетъ намъ право сдѣлать тотъ выводъ, что, если основныя учрежденія христіанской церкви: епископатъ, пресвитератъ и діаконатъ, были самобытны, то дальнѣйшее развитіе церковной организаціи въ своей формальной сторонѣ испытывало на себѣ нѣкоторое вліяніе отчасти народной психологіи того времени, отчасти тогдашняго государственнаго устройства.

До сихъ поръ мы старались раскрыть нѣкоторую связь въ развитіи церковнаго и государственнаго строя, поскольку она выражалась въ общемъ стремленіи къ централизаціи власти. Эта сторона дѣла, насколько намъ извѣстно, почти не затрогивается учеными²⁾. Ихъ вниманіе преимущественно было направлено къ тому, чтобы указать зависимость христіанскихъ учреждений отъ опредѣленныхъ языческихъ институтовъ. Если прежде думали объяснить происхожденіе церковнаго устройства, особенно епископата, прямымъ вліяніемъ муниципальныхъ и коллегіальныхъ учреждений, то въ болѣе новое время у нѣкоторыхъ ученыхъ явилась надежда вывести церковную организацію изъ сознательнаго или без-

1) Апост. Постан. II, 34.

2) Въ довольно обширной литературѣ, бывшей у насъ подъ руками, мы не встрѣтили ничего похожего на указанныя нами параллели.

сознательнаго подражанія жреческой организаціи императорскаго культа. Какъ извѣстно, уже во времена первыхъ принципсовъ въ каждомъ городѣ, гдѣ былъ введенъ императорскій культъ, находился одинъ (по мнѣнію большинства ученыхъ) жрецъ этого культа, фламинъ. Такой же фламинъ, по всей вѣроятности, единоличнѣйшій, существовалъ и для всей провинціи. Онъ носилъ имя *ἀσισάρχης* (и другія сложныя съ *αρχης*) и *ἀρχιερεύς*, избирался обыкновенно провинціальнымъ собраніемъ ¹⁾ на опредѣленный срокъ, большею частью на одинъ годъ, хотя и съ правомъ повторительнаго избранія. На обязанности этого азіарха лежало служеніе культу Рима и Августа, предсѣдательство на провинціальномъ собраніяхъ, устройство игръ и руководство ими ²⁾. Такъ какъ эти жрецы императорскаго культа стояли во главѣ имперской религіи, то само собою понятно, что христіанство, столкнувшись съ язычествомъ, въ нихъ именно увидѣло своего самаго опаснаго врага. Изъ разсказа о мученичествѣ Поликарпа Смирнскаго ³⁾ извѣстно, что Поликарпъ во время празднества *χοιρῶν Ἀσίας* по требованію толпы былъ схваченъ и отданъ въ руки азіарха, по предложенію котораго былъ сожженъ на кострѣ. Напрашивается самъ собою вопросъ, не послужила ли жреческая организація императорскаго культа нѣкоторымъ толчкомъ къ установленію христіанскихъ учрежденій, не были ли епископаты и архіепископаты подражаніемъ фламину и азіархату императорскаго культа, подражаніемъ, вызваннымъ инстинктомъ самообороны? Не „взяла ли побѣдоносная церковь Христа, какъ думаетъ Моммзенъ, свое іерархическое оружіе изъ арсенала врага“. Цѣлая серія ученыхъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. По ихъ мнѣнію христіанская организація создалась подъ вліяніемъ языческо-жреческой, епископъ и митрополиты явились какъ прямое противопоставленіе городскому и провинціальному фламину *Augusti*. Первые заняли мѣсто и право вторыхъ. Какъ епископъ соотвѣтствовалъ *ιερεύς*, такъ митрополитъ составлялъ параллель *ἀρχιερεύς* или *ἀσισάρχης*. Уже

1) Иногда провинціальное собраніе составляло лишь списокъ кандидатовъ, избиралъ же римскій правитель. Ср. Кюль, Провинціальныя собранія у римлянъ 1898. Стр. 41—42.

2) См. подробнѣе, Кюль, *ibid.* стр. 44

3) Евсевій IV, 15.

апостоль Павелъ, знакомый съ организаціей *κοινά*, поставилъ во главѣ цѣлой Азіи Тимофея, соотвѣтственно азіарху императорскаго культа. Ап. Іоаннъ писалъ извѣстнымъ семи церквамъ потому, что онѣ были метрополіями съ *κοινά*, съ храмами въ честь Рима и Августа и съ провинціальными жрецами ¹⁾.

¹⁾ Дежарденъ (*Geographie historique et administrative de la Gaule romaine*, III, 417—418), тщательно изслѣдовавшій географическую организацію императорскаго культа въ древней Франціи и сравнившій ее съ христіанскимъ церковнымъ устройствомъ, установившимся послѣ обращенія Константина, пришелъ къ тому выводу, что языческая организація вездѣ была предвозвѣстницей христіанской. Дежарденъ утверждаетъ, что почти каждый городъ, при которомъ находился жрецъ, руководившій служеніемъ во храмѣ въ честь Рима, Августа или генія царствующаго императора и *Divi Imperatoris*, превратился въ христіанскую епископію, и каждый городъ, имѣвшій своего областного жреца императорскаго культа, сталъ метрополіей или архіепископіей. Христіанская іерархія, усвоивъ себѣ организацію іерархіи языческой, замѣнила ее. Когда епископъ римскій потребовалъ себѣ иаименованія *Pontifex Maximus* и власти надъ христіанскими метрополитами, тогда и тѣ въ свою очередь стали претендовать на управление епископами. Когда эти претензіи получили широкое примѣненіе, тогда языческая іерархія императорскаго культа христіанизировалась и послужила къ объединенію всей христіанской церкви. (Книгу Дежардена реферирюемъ по Линдсею, *The Church and the ministry in the early centuries*, 1903, p. 350). Такого же взгляда держится Перро (*Dictionnaire des antiq. grecques et romaines de Saglio*, art. *Asiarcha*, p. 468). Онъ говоритъ: „Когда торжествующее христіанство замѣняетъ собою язычество, естественно происходитъ то, что провинціи новой религіи имѣютъ тѣ же имена и границы, какъ и провинціи прежней религіи, самъ архіепископъ, занимающій престолъ рядомъ съ правителемъ въ главномъ городѣ провинціи, является какъ бы преемникомъ верховнаго жреца Августа; точно также епископы повидимому занимаютъ мѣста мѣстныхъ верховныхъ жрецовъ того культа, который имѣли главные города провинціи“. То же въ сущности думаетъ и Монсо (*De communi Asiae* p. 117 и слѣд.). По его мнѣнію, когда прекратились провинціальныя собранія, христіанскіе священники приняли наслѣдіе жрецовъ Рима и Августа. Монсо указываетъ на то, что уже во II и III вѣкѣ христіанскіе соборы происходили въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были *κοινά*. Св. Павелъ былъ знакомъ съ *κοινόν*,—въ этоиъ нельзя сомнѣваться послѣ его трехлѣтняго пребыванія въ Ефесѣ и его сношеній съ азіархами. Онъ ставитъ Тимофея во главѣ церквей, подобно тому, какъ азіархъ былъ во главѣ культа Рима и Августа въ той же провинціи. Точно также и св. Іоаннъ былъ начальникомъ всѣхъ христіанскихъ церквей Азіи. Его Апокалипсисъ иаписанъ къ церквамъ, находящимся въ метрополіяхъ Ефесѣ, Смирнѣ, Пергамѣ,

Всѣ эти предположенія въ своемъ цѣломъ являются мало доказательными. Отчасти справедливо возражаютъ противъ нихъ слѣдующее. „Одного сходства двухъ учрежденій, хотя бы во многихъ пунктахъ, недостаточно, чтобы имѣть право заключать изъ этого, что они скопированы другъ съ друга. Чтобы объяснить это сходство, достаточно признать, что одна и та же причина вызвала сходныя явленія. Что касается географическихъ границъ, то, понятно, свойство почвы, удобство сообщенія естественно должны были собирать вмѣстѣ людей одной и той же страны. Были бы или нѣтъ провинціальныя собранія, епископы той же области, поставленные для управленія вѣрующими, имѣвшими одинаковыя вѣрованія и привычки и жившими подъ одними законами, должны были собираться вмѣстѣ. Естественная географическая граница, бывшая границей политической провинціи и *κοινόν*, должна была быть также границей и церковнаго округа. Точно также рано или поздно епископъ большого города, выдающагося по свой интеллектуальной культурѣ, по тому блеску, какой великолѣпие метрополи неизбѣжно бросаетъ на всѣ находящіяся въ ней учрежденія, и даже по самому числу вѣрующихъ, составлявшихъ

Ѳиаирѣ, Сардахъ, Филадельфіи, Лаодикіи, мѣстахъ пребыванія *κοινόν*, гдѣ находятся храмы Рима и Августа и провинціальныя жрецы. Апокалипсическій звѣрь это—*κοινόν*. Его главы и рога—жрецы и храмы императорскаго культа, около которыхъ были основаны церкви. Враждебное отношеніе христіанъ къ звѣрю, т. е. къ *κοινόν*, не поимѣшало имъ подражать ему. Взамѣнъ верховнаго жреца Азіи и на его мѣсто они постарались поставить епископа Ефесскаго. Поликратъ былъ начальникомъ и созвалъ соборъ изъ епископовъ всей провинціи. Подъ наблюденіемъ *ἀρχιερέως Ἀσίας* стояли жрецы *κοινόν* въ провинціальныхъ городахъ. По ихъ примѣру учреждаются епископы, управляющіе областными церквями. Епафрастъ стоитъ во главѣ всей Фригіи; Филиппъ изъ своей епископіи Іераполиса управляетъ нѣсколькими церквями; также поступаютъ Мелитонъ Сардійскій, Поликарпъ Смирнскій. Наконецъ, епископы маленькихъ городовъ предстоятельствуютъ при христіанскомъ богослуженіи города, какъ и *ιερείς* или *Σεβαστοπόριται* председательствуютъ въ муниципальных церемоніяхъ. Какъ языческія собранія посылали делегатовъ къ императору и собраніямъ другихъ провинцій, такъ и христіанскіе соборы переписывались между собою, и наиболѣе знаменитые епископы, какъ Игиатій и Поликарпъ, посылали окружныя письма другимъ церквямъ. Такимъ образомъ во II вѣкѣ язычество и христіанство составляли два подобныхъ организма, предназначенныхъ вступить въ борьбу другъ противъ друга.

паству епископа,—долженъ былъ имѣть большое вліяніе на управление церковными дѣлами окружающей области. Былъ бы *χωρὸν Ἀσίας* или нѣтъ, — епископъ ефесскій долженъ быть важнѣе епископа ѳиатирскаго; былъ бы или нѣтъ *Sacerdos provinciae Africae*, епископъ карфагенскій долженъ былъ пользоваться бѣльшимъ вліяніемъ, нежели епископъ гиппо-діарритійскій. Географическія границы, которыя сгруппировали города для совершенія общаго культа Августа и заставили ихъ установить центръ этого культа или въ столицѣ провинціи, или въ пунктѣ, гдѣ сходились нѣсколько сосѣднихъ провинцій, или же какъ въ Азіи въ нѣсколькихъ городахъ, соперничавшихъ по величинѣ, — должны были сгруппировать вмѣстѣ епископовъ маленькихъ городовъ провинціи, и слѣдовательно епископъ главнаго города долженъ былъ пріобрѣсти мало по малу болѣе обширную юрисдикцію. Кромѣ этой матеріальной причины, если можно такъ выразиться, была у христіанства нравственная причина, вытекавшая изъ того способа, какимъ распространялось оно въ римскомъ мірѣ. Апостолы, выходя изъ Іудеи для проповѣди евангелія язычникамъ, не забыли своихъ соотечественниковъ. Они пошли прежде всего въ города, гдѣ были синагоги; и только проповѣдавъ іудеямъ, они обращались къ язычникамъ. Какіе же были города, гдѣ водворились іудеи? Это были Ефесъ, Александрія, Антиохія, Коринѣъ, т. е. большіе города, метрополіи провинцій. Тамъ можно было вести болѣе значительную торговлю, и слѣдовательно іудеи были тамъ болѣе многочислены. Тамъ же основались первыя христіанскія церкви. Изъ этихъ центровъ вышли миссіонеры, которые основали церкви сосѣднихъ городовъ, и эти маленькіе города питали къ тому городу, откуда вышли основатели этихъ церквей, вполне понятное уваженіе. Они были по отношенію къ нимъ, какъ колоніи относительно своихъ метрополій. Они смотрѣли на нихъ, какъ на хранителей апостольскихъ преданій. Итакъ, чтобы объяснить первенство этихъ церквей надъ другими сосѣдними съ ними церквами, мы имѣемъ причину совершенно другую, чѣмъ подражаніе языческой іерархіи, которая еще не существовала, когда эти церкви уже были основаны“¹⁾.

1) Beurlier, *Le culte impérial, son histoire et son organisation depuis Auguste jusqu'à Justinien*. 1891, p. 306—307.

Въ новѣйшее время ученые склоняются къ признанію, что на образованіе митрополичьей власти, какъ и на происхожденіе церковныхъ соборовъ оказывало свое вліяніе учрежденіе провинціального жречества, но это вліяніе не касается основныхъ учреждений христіанской общины, и прежде всего епископата ¹⁾. Послѣдній возникъ независимо отъ городского фламента и ни по своей природѣ, ни по своему общественному значенію не могъ быть приспособленіемъ къ нему. Если провинціальный жрецъ императорскаго культа, будучи не только представителемъ провинціального культа, но и предсѣдателемъ провинціальныхъ собраний, преслѣдовавшихъ кромѣ религиозныхъ и общественныя цѣли, долженъ былъ пользоваться большимъ, если не правовымъ, то нравственнымъ вліяніемъ на провинціальную жизнь, то о подобной роли городского фламента мы ничего не знаемъ. Его функціи, какъ и функціи другихъ жрецовъ, были исключительно культовыми. Онъ не былъ главою общины. Мы даже не знаемъ навѣрное, стоялъ ли онъ выше другихъ.

¹⁾ Линдсей (The Church and the ministry, p. 349. 352 н д.) говоритъ, что христіанская церковь собственно въ двухъ отношеніяхъ подражала языческой организаціи: съ одной стороны, въ установленіи субординаціи между епископами, въ учрежденіи митрополитства, а съ другой въ учрежденіи низшихъ клириковъ, иподіаконовъ, чтецовъ, заклинателей, привратниковъ и другихъ. Точно также и Любекъ вліяніе жреческой организаціи на церковное устройство видитъ собственно въ приобрѣтеніи особенно важнаго значенія епископскими кафедрями тѣхъ городовъ, въ которыхъ императорскій культъ имѣлъ главный храмъ, и въ которомъ собирались *collegia* (Reichseinteilung, S. 18 и д.). Въ общемъ съ этимъ мнѣніемъ соглашается и Гарнакъ (Mission und Asbreitung d. Christentums, 1906, II, 154). Подобный же взглядъ проводитъ проф. Гидуляновъ. По нему: „церковное устройство по округамъ есть инстинктивное подражаніе учрежденіямъ императорскаго культа“... „Въ видахъ самозащиты, необходимой самообороны христіанство должно было для уравненія шансовъ борьбы взяться за то оружіе, которое находилось въ рукахъ его могучаго противника. Сила императорскаго культа заключалась въ его организаціи. Чтобы достойно ей противостать, христіанство само должно было принять соответствующую ему организацію. Слѣдствіемъ этого явилась церковная организація мѣстныхъ округовъ. Такимъ образомъ эта организація не есть заимствованіе, а именно антитеза организаціи императорскаго культа“ (Митрополиты въ первые три вѣка христіанства стр. 116).

муниципальныхъ жрецовъ ¹⁾. Сверхъ того, его существованіе могло быть замѣтнымъ для христіанъ лишь тогда, когда начались болѣе или менѣе систематическія преслѣдованія христіанъ, т. е. съ конца I и начала II вѣка. Но въ это время христіанскія общины уже имѣли своихъ епископовъ. Такимъ образомъ, если вліяніе жреческой организаціи императорскаго культа на церковное устройство и имѣло мѣсто, то уже послѣ того, какъ создалась епископальная христіанская община. Что касается теперь вопроса, было ли установленіе митрополичьей власти приспособленіемъ къ языческому азіархату, то этотъ вопросъ **выходитъ** за предѣлы нашей настоящей работы, такъ какъ институтъ митрополютовъ сложился позднѣе II вѣка.

В. Мышцынъ.

¹⁾ Крашенинковъ, извѣстный своими эпиграфическими изслѣдованіями и среди иностранныхъ ученыхъ, рѣшительно отрицаетъ существованіе іерархической лѣстницы въ муниципальных жречествахъ (Римскіе муниципальные жрецы и жрицы, стр. 114—115).